
ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ПРАВА НА ЧАСТНУЮ ЖИЗНЬ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА: ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

В.П. Иванский

Кафедра административного и финансового права
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье рассматриваются философские и правовые аспекты понимания права на частную жизнь в русле феноменологического подхода. Методологической основой правовой концепции права на частную жизнь является феноменология как философия, ориентированная на трансцендентальное «Я». Трансцендентальное «Я» в контексте содержания данной статьи понимается как эйдос права, характеризуемый как субъективное правомочие.

Ключевые слова: право на частную жизнь, феноменология права, частная жизнь Востока и Запада, эпоха модерна и постмодерна, синергетика.

Право на сферу частной жизни является многоаспектным феноменом, который может быть определен одновременно в различных ипостасях как целостное правовое явление. Научные попытки исследовать его в однополярной плоскости приводят к фрагментарности и не позволяют раскрыть его сущность и соответственно понятие сферы частной жизни. Поэтому методологическая основа исследования предопределена необходимостью широкого применения плюралистического подхода к феномену права на частную жизнь: понятию права, сферы частной жизни, его видам и факторам.

В рамках плюралистического подхода право на частную жизнь рассматривается как многомерное явление, имеющее различные формы выражения. Применительно к теме исследования можно выделить несколько тематических блоков, рассмотрение которых является особо значимым.

Во-первых, существенное влияние на содержание сферы частной жизни оказывают пространственный и этнический факторы. То есть онтологическая природа самого права зависит от качеств человеческой природы, имеющих своим источником национальный менталитет. Это предполагает необходимость анализа права на частную жизнь через призму категории ментальности конкретного общества, а в более глобальном масштабе — ментальности Востока и Запада.

Поскольку этническая идентичность представляет собой особую ценность, позволяющую поддерживать преэминентность локальных внутриэтнических ценностей и придавать этнической системе определенную устойчивость и, од-

современно, эластичность, то исследование понятия сферы частной жизни следует проводить в рамках определенного этноса (стран Запада или Востока) (4).

Во-вторых, для построения отвечающей требованиям эпохи «постмодерна» (1) концепции права на частную жизнь необходимо учитывать специфику современного гуманитарного знания, выражающуюся в том, что сегодня оно формируется на стыке многих наук. Современная правовая теория уже не может догматически строиться «из самой себя», как некая априорная конструкция (юснатурализм, нормативизм, социологизм и т.д.). Постигание феномена права на частную жизнь требует от исследователя обращения к философии, социологии, психологии, лингвистике, семиотике, антропологии, кибернетике, теории систем, теории коммуникации и целому ряду других комплексных специализированных научных дисциплин, многие из которых возникли лишь в XX в.

Особенностью исследуемой концепции права на частную жизнь и является то, что она опирается на выводы, уже признанные другими науками, но распространяет их и на правоведение, представляя собой опыт построения целостного, интегрированного правового знания.

В-третьих, важную роль в изучении права на частную жизнь играет научный подход, то есть критерии научности знания, посредством которых познается сущность этого права. Методологический подход автора, используемый для познания сущности права на частную жизнь, основывается на новом фундаменте — феноменологической философии и социологии.

Говоря о «новом фундаменте», хочется акцентировать свое внимание на том, что основные подходы, применяемые другими учеными при исследовании права на частную жизнь (2), базировались на юридическом позитивизме, что не могло не отразиться на глубине познания изучаемого объекта-сферы частной жизни и соответственно сущности его права.

Кроме того, в условиях стремительного развития постиндустриального общества (постмодерна) (а в некоторых странах переход от индустриального общества к постиндустриальному [7; 8. С. 45–54]) изменилось восприятие самого права — его признаков, принципов. Сегодня оно воспринимается (следовательно, и является таковым в общественном сознании) как многомерный, противоречивый, стохастический феномен с постоянно изменчивой структурой в отличие от одномерного, детерминированного явления с постоянной (устойчивой) структурой. Универсалистское представление о праве, свойственное эпохе модерна, претендующее на полноту, аподиктичность и преобразовательно-инженерную миссию, уступает гораздо более «мягкой», основанной на принципиально иных критериях рациональности модели. «Поэтому необходимо искать принципиально новый тип правопонимания в другой плоскости. В связи с тем что понятие права (тип правопонимания) является априорным (трансцендентным) относительно юридической науки основанием (3), его обоснование — принципиально метаюридическое. Оно может быть обнаружено только в социальной философии (или теоретической социологии)» [21].

Таким образом, именно философские концепции, которые в состоянии преодолеть отмеченную выше ограниченность мировоззрения эпохи модерна, могут послужить основанием нового типа правопонимания, способного ответить на вызов постмодерна. Из таких философских направлений, способных предложить новый подход к праву, следует выделить феноменологию, герменевтику, антропологию и синергетику [22]. Рассмотреть их следует именно с точки зрения возможности постижения права на частную жизнь.

И четвертый блок является предметом отдельного самостоятельного исследования. При анализе права на частную жизнь человека нельзя не коснуться проблемы сосуществования и параллельного развития двух мировых тенденций современного социума — глобализации и локализации. Демографический взрыв в большинстве развивающихся стран, интернационализация экономики стимулируют процессы миграции, которые ведут к тому, что мононациональных государств остается все меньше и меньше.

Традиционные идентичности (этнические, национальные, конфессиональные) начинают расшатываться и вытесняться новыми идентичностями, многие из которых являются результатом развития общества потребления.

Идентичности в целом оказываются связанными с соответствующими коммуникативными пространствами, в рамках которых циркулируют те или иные значимые для данного сообщества ценности. В связи с этим рассмотрение понятия права на частную жизнь, его структуры и содержания в русле этнических коммуникативных пространств, обеспечивающих циркуляцию и трансляцию скрепляющих их ценностей, представляет значительный интерес.

Таким образом, право на частную жизнь и формы его выражения могут быть раскрыты через вышеуказанные различные факторы (тематические блоки).

Сравнительно-правовое исследование понятия права на частную жизнь целесообразно начинать с феноменологического подхода к пониманию права на частную жизнь. Первый и четвертый указанные выше тематические блоки показывают векторы перспектив научного поиска по изучению сущности права на частную жизнь и требуют отдельного монографического научного исследования, что не представляется возможным рассмотреть в настоящей статье.

Принятый в современной науке подход к познанию природы (общества, права и т.д.), при котором существующими признаются только те явления, которые подтверждены многократными повторениями, искусственно сужает возможности познания истины.

Настраиваясь на поиск повторений явления, мы ограничиваемся однопараметрическим представлением бесконечного параметрического явления, неизбежно упуская из виду непрерывный спектр других явлений, не менее важных. Поэтому необходимо при изучении права на частную жизнь выбрать такой научный подход, который бы максимально охватил все аспекты (параметры) для познания сущности этого права. Таким научным подходом для исследования права на частную жизнь в эпоху постмодерна является, как было сказано в третьем тематическом блоке, феноменологический (а также герменевтический,

синергетический и антропологический). Вопрос о «научности» или «ненаучности» того или подхода зависит от критериев научного знания.

Для рационализированного естественнонаучного подхода (эпоха модерна) под наукой понимается форма духовной деятельности людей, направленная на производство и теоретическую систематизацию объективных знаний о действительности. В соответствии с таким пониманием науки выдвигаются следующие критерии рационализированного научного знания: объективность (истинность), системность, методологическая обеспеченность, самообновление, доказательность, формальная непротиворечивость данным опыта, фактам, опытная проверяемость и др. [11. С. 141].

Феноменология и герменевтика (5) видят иные критерии научности знания — в нерационализированном подходе (эпоха постмодерна) к познанию социальной действительности, который будет подробно рассмотрен нами ниже. Однако, несмотря на различные научные критерии и подходы, главной задачей правовой науки является познание онтологической составляющей права, то есть раскрытие его правовой структуры. Это же в равной мере относится и к праву на неприкосновенность частной жизни человека.

Как было указано выше, изучение права на неприкосновенность сферы частной жизни как целостного и многоаспектного явления не может осуществляться на основе одного метода. Комплексное исследование права на частную жизнь предполагает использование разных методологий, соответствующих многообразию проявлений аспектов правовой действительности сферы частной жизни. Целостный правовой взгляд на сферу частной жизни достигается при помощи феноменологического и синергетического методов (6).

В исследовании сферы частной жизни синергетика служит основой для междисциплинарного синтеза знания, понимания феномена сферы частной жизни во всех его разнообразных проявлениях. Целесообразность использования синергетического подхода при конструировании общетеоретического знания о сфере частной жизни обусловлена совокупным влиянием различных факторов, определяющих субординацию ее ведущих элементов. Автором рассматривается сфера частной жизни как самоуправляемое и самоподдерживаемое творческое развитие образование, в котором человек пребывает наедине с самим собой (*to be let alone*), открывает себя или сотрудничает с самим собой и другими людьми, т.е. это стимулирующее или пробуждающее развитие образование. Назначение и смысл сферы частной жизни — это саморазвивающаяся личность; это механизм восполнения, самодотраивания, самосборки целостной структуры человека.

Но в чем сущность права «быть (оставаться) с самим собой наедине»? К сожалению, основатели юридического термина *прайвеси* — американские юристы Сэмюэль Уоррен и Луис Брэндис (7) в недостаточной мере осветили данный вопрос. Его исследовать представляется возможным только на основе феноменологического подхода [16], в котором право представляется как явление, имеющее свой собственный смысл, не зависимый от того или иного конкретного

правового содержания, выражающего определенную политическую волю, идеологический принцип или практику сложившихся общественных отношений (8).

Для исследования правовой сущности неприкосновенности сферы частной жизни нам следует почерпнуть междисциплинарные научные достижения из области психологии, философии и социологии. При изучении понятия права «оставаться наедине с самим собой» нужно предварительно проанализировать такие категории, как правосознание, правовое «Я», жизненно необходимое пространство человека (сфера частной жизни). Хотелось бы сделать небольшую оговорку, что вышеуказанные категории не являются идентичными по смысловому содержанию в западной и восточной гуманитарных науках.

Правосознание как вид сознания — одно из центральных понятий классической западной философии. Из определенного понимания правосознания исходили также науки о человеке, в частности психология. Вместе с тем осмысление правосознания было связано со значительными трудностями. Многие психологи и юристы в XIX–XX вв. считали, что научно исследовать можно только отдельные явления правосознания, что же касается его сущности, то она не может быть выражена, хотя правосознание субъективно дано в переживании. Между тем философы пытались анализировать его природу и сформулировали следующие концепции правосознания.

1. Концепция отождествления правосознания как вида сознания с правовым знанием: все, что мы знаем о праве, — это правосознание, и все правовое, что мы осознаем, — правовое знание. Большинство представителей классической философии разделяли это представление.

2. Ряд философов (прежде всего разделяющих позиции феноменологии или близких к ней концепций — Ф. Брентано, Э. Гуссерль, Ж.-П. Сартр и др.) в качестве главного признака правосознания как вида сознания выделяют не правовое знание, а интенциональность: направленность на определенный предмет, объект права. Таким признаком, с этой точки зрения, обладают все виды сознания — не только восприятия права и мысли о праве, но и правовые представления, правовые эмоции, правовые намерения и волевые импульсы.

Согласно этой точке зрения, я могу не знать ничего об объекте права, но если я выделяю его посредством моей интенции, он становится объектом моего правосознания. При таком понимании правосознание — это не только совокупность интенций, но и их источник. Носителем эмпирического правосознания является эмпирическое «Я» (или правовое «Я»), а носителем «чистого», трансцендентального сознания — трансцендентальное «Я». При этом интенциональный объект правосознания не обязательно должен существовать реально, он может быть мнимым.

3. Иногда правосознание как вид сознания отождествляется с вниманием. Эта позиция разделяется рядом философов, но особенно популярна у некоторых психологов, пытающихся с точки зрения когнитивной науки истолковать правосознание, т.е. внимание, как некоторый фильтр на пути правовой информации, перерабатываемой нервной системой.

4. Наиболее влиятельное в философии и психологии понимание правосознания как вида сознания связано с истолкованием его как самосознания, как самоотчета «Я» в собственных действиях. Подобное понимание может сочетаться с интерпретацией правосознания как юридического знания (в этом случае считается, что юридическое знание имеет место только тогда, когда субъект рефлексивно отдает себе отчет в способах его получения) или как интенциональности (в этом случае считается, что субъект осознает не только интенциональный предмет права, но и сам акт интенции и себя как ее источник).

Классическое понимание правосознания как самосознания связано с теорией о двух источниках правового знания: 1) ощущений права, относящихся к внешнему миру, и 2) рефлексии как наблюдению ума за своей собственной правовой деятельностью. Последняя и является правосознанием. Правосознание при таком понимании выступает как специфическая правовая реальность, как особый «внутренний мир», данный субъекту непосредственно. Способом познания правосознания является самовосприятие, которое в результате тренировки может принять форму самонаблюдения (интроспекции).

В изучении природы сферы частной жизни важное место занимает осознание индивидом своего права на некое приватное пространство. В дальнейшем, используя термин правосознания в данном контексте, нам следует его понимать как осознание человеком своего права на неприкосновенность сферы частной жизни.

Такое правосознание — это, с одной стороны, осознание обществом (группой) права человека оставаться наедине с самим собой как высшей ценности для развития личности и обязанность общества воздерживаться, без на то законных оснований, от посягательств в его интимное пространство. С другой, это осознание индивидом своего права на неприкосновенность сферы частной жизни.

Обозначенные выше правовые установки человека и общества регулируют их поведение в юридически значимых ситуациях по защите неприкосновенности сферы частной жизни. При исследовании правосознания с точки зрения отражения им сферы частной жизни выделяются две области правосознания: 1) эмпирическое — формируется внешними правовыми условиями жизнедеятельности людей по конструированию сферы частной жизни; и 2) теоретическое — это познание сущности внутреннего пространства индивида, т.е. своего «Я». Осознание человеком своего личного внешнего и внутреннего пространства порождает его сферу частной жизни, а осознание права на это приватное пространство — его неприкосновенность.

Несмотря на то что феноменология представляет собой совокупность различных течений, общим является положение о том, что субъект познания обращается к своему сознанию, отражающим его мир. Главной феноменологической задачей является выявление внеситуационного (то есть воздержание от точки зрения находящегося в конкретной ситуации «я»), чистого сознания, в котором и заключены «сущности». Метод, при помощи которого феноменология иссле-

дует опыт сознания, называется феноменологической редукцией [19. С. 217]. Необходимость использования феноменологического метода в познании права на частную жизнь связана:

– во-первых, с недостатком рационализма, который сводит познание правовой действительности только к проблеме определения его понятия, что можно наблюдать по изучаемой нами теме в защищенных диссертациях на присвоение искомых степеней кандидата юридических наук и доктора юридических наук [3. С. 7–11; 4; 6; 9; 10; 18; 20; 23];

– во-вторых, с исследованием частной жизни как многоаспектного объекта, в полной степени отраженного в сознании человека;

– в-третьих, с необходимостью познания сферы частной жизни через процесс интерпретации (переосмысления) прежних результатов мышления;

– в-четвертых, с формированием автором настоящей научной работы нового течения феноменологического направления и, соответственно, разработки новой концепции естественных прав человека как основы конструирования института права на неприкосновенность сферы частной жизни.

Феноменология как философское направление — это не отдельная, четко очерченная теория, а, скорее, совокупность достаточно разнородных, иногда даже противоречащих в чем-то друг другу теорий и концепций. Объединяющей идеей для многочисленных феноменологических теорий является положение Э. Гуссерля о необходимости рассматривать познание мира человеком как деятельность субъекта познания со своим сознанием. Причем субъект познания обращается в процессе познания не к объектам окружающего мира, а структурам своего сознания, отражающим мир. Внимание исследователя, по Гуссерлю, должно быть обращено не на сам предметный мир, а на те акты сознания, в которых предметный мир конституируется.

Таким образом, феноменология начинается с упразднения противоречия между бытием и сознанием, поскольку бытие представлено в сознании, а сознание существует аподиктически. Для этого мир образов исчезает и остается только один мир интенциональных объектов. Предмет следует лишить всяких эмпирических, теоретических и логических предикатов. Это позволяет, по мысли Э. Гуссерля, найти сущность вещи. Процесс интерпретации, с точки зрения феноменологии, — это явление сознания, имеющее две формы выражения. В первом случае — это процесс мышления, определенное состояние сознания, направленное на придание смысла феноменам сознания, а во втором — это результат мышления, структура сознания, текст, входящий в сферу сознания индивида.

В процессе интерпретации мышление носит предметный характер, оно интенционально направлено на объект, на то, что осмысляется. «Прочтение» сознания зависит от установки субъекта познания, его познавательных целей и задач. Но процедура интерпретации в феноменологическом ракурсе означает придание смысла не объектам окружающего человека мира, а уже имеющимся структурам сознания, отражающим явления и процессы объективной реальности, сложившимся ранее, в предыдущей познавательной деятельности.

Представители феноменологического подхода (Ф. Brentano, Э. Гуссерль, А. Шютц, М. Мерло-Понти, А.Ф. Лосев, М.К. Мамардашвили, К.Р. Мегрелидзе, В.В. Молчанов, Л.Г. Ионов, В.В. Налимов, В.У. Бабушкин и др.) полагают, что существуют содержания чисто идеального характера, данные нам в непосредственном созерцании, и отправную точку составляет не понятие, а различные данные объективной структуры предмета. Для такого созерцания требуются не первоначальные понятия, а правильная установка способов созерцания, полная сосредоточенность умственного взора на том, что является искомым, и полное отвлечение от «другого». Результатом будет выявление правовых фактов (феноменов) как некоторых первоначальных правовых данностей. Чтобы уяснить сущность многомерной природы права, нужно не определение, а описание правовой структуры в ее основных данностях.

Феноменологическая структура права на частную жизнь предстает как единство следующих основных данностей, определяющих его структуру.

1. Субъект как деятель, обнаруживающий ценности частной жизни посредством их признания.
2. Сами ценности частной жизни.
3. Правомочия и обязанности, которыми характеризуются явления как правовые.

Таким образом, единство трех элементов образует понятие структуры права на частную жизнь. Право на частную жизнь предполагает:

1. Такого носителя, который обладает способностью интуитивно переживать смысл ценности частной жизни и тем самым осуществлять ее признание.
2. Ценности частной жизни, реализованные в нормах права путем взаимного интеллектуального признания их другими носителями.
3. Ценности частной жизни, формулируемые в правомочиях и обязанностях субъектов.

При исследовании права на частную жизнь в русле феноменологической теории интенциональности сознания (феноменологическая методология исследования) следует также опираться на онтологическую концепцию коммуникативного права, изложенную в монографии А.В. Полякова [14. С. 43–47].

По мнению автора, в современной социологии мир «социального» давно уже трактуется как интересубъективный мир.

Это очень важное исходное положение для любой правовой теории и иная гносеологическая и онтологическая позиция по сравнению с «классической» гносеологией эпохи модерна, противопоставлявшей субъекта и объект.

Феноменологическая теория интенциональности сознания эту преграду между субъектом и объектом разрушила. И это, по мысли А.В. Полякова, влечет за собой совершенно конкретные теоретические выводы.

Социальное предстает ни чем иным, как сферой взаимодействия субъектов, опосредованного текстами. Следовательно, это осмысленное взаимодействие, и этот смысл задается самими субъектами, создающими тексты культуры и интерпретирующими их. Поэтому право имеет свою специфику.

Эта специфика выражается в правовых текстах и опосредующих их нормативных правах и обязанностях участников социального взаимодействия, т.е. правовой коммуникации.

При этом А.В. Поляков призывает не забывать, что правовые тексты являются результатом объективации всей системы социальных взаимодействий, и именно поэтому человек всегда живет и действует не сам по себе, а в рамках определенной правовой культуры, которая есть часть культуры общества. Поэтому право на частную жизнь предстает как сфера взаимодействия субъектов, опосредованная текстами соответствующей культуры.

Концепция права на частную жизнь в русле феноменологической теории интенциональности сознания (далее — феноменологического подхода) должна решить три основные проблемы:

1) проблему сознания субъекта, интерпретирующего сферу частной жизни как мир проекций собственных мыслей (образов и желаний). Образы — это проекции обусловленности какого-либо этноса (социума), которые являются следствием его культуры;

2) проблему осознания (интерпретации) правовых образов (представлений) как источников права и правовых норм. Процесс наблюдения за чем-то (кем-то) вызывает чувственную реакцию (зрение, обоняние, вкус, запах, слух), из которой возникает контакт. Этот контакт порождает мысль, которая создает образ (представление) и соответствующее этому образу желание (мотив, воля) (9);

3) проблему взаимодействия прав и обязанностей членов какого-нибудь этноса в форме взаимосоотносимых образов (желаний), обусловленных культурой социума, в результате трансформации их понимания (интерпретации) в социально-правовое действие (волеизъявление).

Отсюда три плана правовой реальности сферы частной жизни: ментально-образный (формирование психического образа), интерпретационно-культурологический (осознание ментального образа членом социума) и деятельный (перевод интерпретированного образа в социально-правовое действие).

В результате типизации фактических взаимодействий, основанных на образах, право объективируется в соответствующие формы (но не порождается ими!), которые в дальнейшем воспроизводятся. Их взаимозависимость и позволяет характеризовать право на частную жизнь как психосоциокультурную целостность, создаваемую непрерывностью взаимодействия правовых образов, то есть взаимодействия представлений о сфере частной жизни, осуществляемые в форме тех или иных правомочий (пользоваться определенным благом, на собственные действия, потребовать от другого участника правоотношения юридической обязанности и обратиться за защитой в судебный орган) субъективного права.

С позиций онтологической теории психосоциокультурный аспект понимания права на частную жизнь сводится к рассмотрению права как системы отношений образов субъектов, формируемых на основе взаимной трансформации (перевода) интерпретированных образов в социально-правовое действие посредством взаимодействия, осуществляемого в форме реализации своих прав и

обязанностей. Такая трактовка права является совершенно новой для отечественной правовой науки и заслуживает самого пристального внимания.

В связи с этим избранная автором феноменологическая методология, заключающаяся, в частности, в отвлечении от эмпирического разнообразия явлений права, представляется адекватным заявленной цели способом «схватывания» неизменной сущности права на частную жизнь, отличающей его от других явлений, и позволяет отказаться от одномерных определений права и обратиться «не к понятиям о праве, а к самому праву». Данный метод позволяет «уразуметь» право как «интегральное (целостное) единство», обладающее собственной структурой, в которой выражается его эйдетический смысл.

Общесоциальные условия возникновения права на частную жизнь можно подразделить на социопсихические и социокультурные.

Социопсихическими условиями права на частную жизнь являются возникновение у индивидуума способностей:

1) понимать смысл правил должного поведения, выраженных в общеобязательных нормах, в отношении установления границ между областью приватности одного человека по отношению к приватности другого субъекта путем:

а) регуляции взаимодействия, то есть уровень способности быть самим собой и избегать давления (или вторжения) со стороны других через визуальные, аудиальные и другие каналы;

б) регуляции информации личного характера, то есть право индивида решать, какая информация и при каких условиях может быть передана другим;

в) способности индивидуума контролировать взаимодействие контактов, то есть поддерживать или ограничивать коммуникации между персоной и социальным миром;

г) установления (или сохранения) личной автономии, то есть самоопределение и поддержание признаков личной идентичности, включая способ создавать и защищать собственное «я»;

2) признавать их в качестве необходимых ценностных оснований своих внешних поступков;

3) самостоятельно действовать, реализовывать вытекающие из норм полномочия и обязанности.

К социокультурным условиям относится наличие в обществе общезначимых и общеобязательных правил поведения, определяющих права и обязанности членов социума и выступающих в качестве общезначимых ценностей, своеобразных культурных кодов, способных властно воздействовать на поведение субъектов. В этом смысле право можно рассматривать как согласованную социальную реакцию на обремененные в знаковые формы нормативные раздражители [14. С. 156].

Исследуя объект права — сферу частной жизни в русле феноменологического метода, мир, на который направлено интенциональное сознание (Э. Гуссерль называет его жизненным миром), предстает как субстанциальность приватности, то есть переживание личной автономии и подлинности бытия — уединение. Количество и форма переживаемой приватности определяют качество

жизни во всех проявлениях [29. Р. 175–255]. Уединение (приватность) включает в себя: а) регулирование контактов между персоной и социальным миром; б) средство связи между «Я» и социальным миром; в) самоопределение и поддержание признаков личной идентичности [26].

Выделение конкретных качественных и количественных параметров приватности различается у разных авторов. Так, А.Ф. Уэстин выделил четыре типа приватности:

- 1) одиночество — когда человек полностью один и свободен от воздействия со стороны других;
- 2) интимность;
- 3) анонимность;
- 4) «заповедник» — когда человек скрывается от общения и намеренно возводит психологические барьеры [28].

И. Альтман выделяет на основе наблюдения объективного человеческого поведения, направленного на желаемое преобразование среды, несколько форм приватности.

1. Дистанция — поддержание во время общения определенного относительно стабильного расстояния между собой и другим человеком.
2. Личное пространство — сфера вокруг тела человека, внедрение в которую приводит к переживанию дискомфорта.
3. Территориальность — контроль и управление со стороны человека определенным местом.
4. Персонализация среды — включение некоторого места или объекта в сферу своего «Я», экспозиция с его помощью себя другим и наделение символическими маркерами собственного владения этим местом.

Таким образом, по отношению к субъекту права сфера частной жизни образует собой набор возможных целей, стремлений и планов, который конституируется анонимной, никем не совершаемой интенциональностью; это наша непосредственная «интуитивная» среда, где человек среди себе подобных переживает культуру и общество, определенным образом относится к окружающим нас объектам, воздействует на них и сам находится под их воздействием [19. С. 213].

Сфера частной жизни — это сфера, в которой мы вживаемся, следуя естественной установке, которая как таковая не становится для нас предметной, а представляет собой заранее данную почву всякого опыта. Сфера частной жизни сущностно соотносена с субъективностью, и эта соотношенность одновременно означает, что она существует «в текучей ситуационности»... [5. С. 298–299].

На основании вышеизложенного могут быть сделаны следующие общие выводы.

Во-первых, объектом права на частную жизнь может выступать intersубъективный мир. Intersубъективность указывает на внутренне присущую сознанию социальность и на то, что сфера частной жизни переживается человеком как общая для него и других, то есть в одинаковой степени.

Во-вторых, феноменологическая структура права на частную жизнь предстает как единство трех элементов:

- субъект как деятель, обнаруживающий ценности частной жизни посредством их признания;
- сами ценности частной жизни;
- правомочия и правообязанности, которыми характеризуются явления как правовые.

В-третьих, формирование понятия сферы частной жизни можно представить как возникновение и поэтапное расширение «пространства свободы» личности, где индивид в определенной мере свободен от регламентаций и вмешательства общества и государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Если говорить о постмодернистских дискуссиях в широком смысле этого слова, то можно процитировать немецкого теоретика постмодернизма Вольфганга Вельша: «Если обзор постмодернистских тенденций в литературе, архитектуре, живописи, скульптуре, социологии и философии связать с совокупной характеристикой постмодерна, то получится следующее. Постмодерн начинается там, где кончается целое. Кроме того, постмодернизм использует конец Единого и Целого в позитивном смысле, когда пытается упрочить и развернуть вступающее в силу Многое в его легитимности и своеобразии. Здесь — ядро постмодерна. Исходя из осознания непреходящей ценности различающихся концепций и проектов — а не из-за поверхностности или безразличия — постмодернизм радикально плюралистичен. Его видение — видение плюральности». См. книгу В. Вельша «Наш постмодернистский модерн» (1987. — С. 14–45). Такой подход свидетельствует о том, что постмодерн противостоит всем формам монизма, унификации, тоталитаризации и скрытым формам деспотизма и переходит к идее множественности и разнообразия, многообразия и конкуренции парадигм, к сосуществованию разнородного, гетерогенного.

Известный теоретик постмодернизма Ихаб Хассан выделяет следующие главные принципы и ценности постмодерна. 1. Неопределенности, неясности являются основными принципиальными установками постмодернистских произведений искусства и философских концепций. Не логическое, монологическое мышление, а «диалогическое воображение» (Бахтин) приобретает в постмодернизме решающий смысл. 2. Следствием является принципиальный фрагментаризм. Это воплощается в недоверии к «тоталитаризирующему синтезу», в склонности к методам коллажа, произвольного монтажа, «вырезок» и «врезок», в склонности к парадоксам, в «открытости разбитого», в акцентировании «разломов», «краев» и т.д. 3. Постмодернизм опровергает все каноны, выступает против всех конвенциональных авторитетов. В литературе это (условно) означает «смерть автора», т.е. прекращение его «отцовской» власти и попечительства над читателем. 4. Постмодернизм возмущает о «смерти субъекта», «опустошает» традиционное Я, которое перестает быть центром мысли и переживания, лишается своей мнимой «глубины». 5. Постмодернизм отстаивает права ирреализма: не все может быть «показано», «изображено», «иконизировано». 6. «Гибридизация» подразумевает смешение, скрещивание привычных жанров искусства, заимствование («плагиаризм») одними жанрами творческих стилей и методов других жанров.

Постмодернизм отрицает не науку как таковую, а сциентизм, в соответствии с которым лишь данным современных естественных наук позволено конструировать наше мировоззрение [24].

- (2) Исследованию различных правовых аспектов неприкосновенности частной жизни в последнее время посвящено несколько монографий (С.Г. Блинов, Р.Б. Головкин, И.Л. Петрухин, Г.Б. Романовский, И.В. Смолькова и др.) и диссертаций (Н.Г. Беляева, Е.Е. Калашникова, Н.Г. Лопухина, В.А. Мазуров и др.). Имеется ряд статей по общим вопросам правового регулирования и защиты неприкосновенности частной жизни (Г.Н. Борзенков, Ю.А. Заморошкин, Л.И. Котиева, В.М. Лопатин, Н.И. Пикуров, М.Е. Петросян и др.).
- (3) То, что понятие права не может быть выведено индуктивным путем из, например, норм права, осознал Г. Кельзен, вводя в систему права ее априорное начало — «основную норму». Знаменитые ограничительные теоремы К. Геделя, прежде всего его вторая теорема, утверждающая, что в каждой достаточно богатой формальной системе невозможно доказать ее непротиворечивость теми методами, которыми она формализована, говорят о том же: для обоснования права необходимо выйти за рамки юриспруденции [13].

По мнению постпозитивистов (Т. Куна, П. Фейерабенда и др.), наука обязательно включает в себя «внеаучные», в том числе метафизические, положения. В.С. Степин считает, что основаниями науки являются научная картина мира, идеалы, нормы и философские основания [17]. Еще более категоричны в этом вопросе представители социологии знания (Б. Варне, Д. Блур, Дж. Гилберт, М. Малкей и др.). Так, по мнению М. Малкея, внешний мир «входит» в науку через те значения, которые создаются учеными, интерпретирующими его. А эти значения зависят прежде всего от социального контекста (в том числе от мировоззренческих, философских установок), в котором работают ученые [12. С. 106]. Другой известный представитель этого направления Д. Блур утверждает, что объективность в науке представляет собой не что иное, как теоретические представления, основанные на «социальных образах». Поэтому научная объективность, с его точки зрения, «выступает социальным феноменом» [27. Р. 141].

- (4) Этнос (от греч. *этнос* — народ) — группа людей, объединенная общими признаками, объективными либо субъективными. Различные направления в этнологии включают в эти признаки происхождение, язык, культуру, территорию проживания, самосознание и др. Некоторые исследователи считают существование феномена, обозначаемого термином «этнос», в лучшем случае гипотезой ввиду того, что, по их мнению, непротиворечивого определения понятия не предложено [25].
- (5) В переводе с латыни понятие «интерпретация» означает «объяснение, истолкование». Эквивалентом, синонимом этого понятия на греческом языке является термин «герменевтика» — или искусство изложения, систематическое учение об истолковании философских сочинений, юридических документов и произведений искусства, любая смыслообразующая деятельность человека. Объяснение становится главным методом науки. Положение начинает меняться в начале XX в., когда с возникновением теории относительности и квантовой механики выявляется ограниченность классического естествознания, когда, в частности, приходится переосмысливать место и функции субъекта в познавательном процессе. Так, в современной методологии науки есть четкое осознание того, что субъект познания находится не над изучаемым им миром, а «погружен» в него. Познание же во многом обусловлено социокультурными ценностями.

Настоящий переворот в понимании проблемы интерпретации произвели работы немецкого философа М. Хайдеггера. Он, во-первых, перевел процедуру интерпретации и понимания из области гносеологии в область онтологии и, во-вторых, выявил в процедуре интерпретации структуру предпонимания.

Подводя итоги развития герменевтики в Новое и Новейшее время, можно констатировать, что она представляет собой довольно разнородные течения в современной

философии, объединенные языковой проблематикой. В построениях представителей герменевтического направления имеется определенная «зацикленность» на проблеме языка.

«Объединяющим понятием герменевтического и феноменологического методов является понятие «текст».

1. В герменевтике «текст» — это определенный письменный источник (письменная фиксация звуковой речи, которой присущи смысл, значение, ценность), первичная данность (реальность) и исходная точка всякой гуманитарной дисциплины (М.М. Бахтин). В феноменологии — это содержание и сама структура сознания, фундаментальное образование, позволяющее мыслить об объектах, попадающих в центр изучения.

2. С текста и в первом, и во втором случаях начинается процедура смыслообразования. Именно текст выступает для герменевтика как знак прошедшей эпохи, а для феноменолога как знак, «метка» прошедшей, свершившейся когда-то процедуры мышления, оставившей после себя понятия и образы.

3. И феноменологическому, и герменевтическому тексту присущи некоторые общие, «родовые» признаки (знаковость, структурность, тематическое единство, интерсубъективный языковой характер).

4. Любой текст (литературный или сознания) всегда обусловлен контекстом — системой непрерывных отношений, закрепленных в сознании как предпосылки понимания текста, причем в каждый момент этого интеллектуального процесса динамически изменяющееся проблемное поле сознания имеет иерархически структурированную организацию. Интерпретация работает в маятниковом режиме — от текста к контексту и наоборот» [1].

- (6) Согласно Н.Н. Алексееву право как явление имеет свой собственный смысл, не зависимый от того или иного конкретного правового содержания, выражающего определенную политическую волю, идеологический принцип или практику сложившихся общественных отношений. Феноменология, таким образом, предполагает обращение к первичному опыту, у Гуссерля — к опыту познающего сознания, где сознание понимается не как эмпирический предмет изучения психологии, но как «трансцендентальное Я» и «чистое смыслообразование» — интенциональность, т.е. свойство человеческого сознания быть направленным на некоторый объект.
- (7) Авторами юридического термина «прайвеси» принято считать американских юристов Сэмюэля Уоррена и Луиса Брэндиса, которые в 1890 г. опубликовали статью «Право на Прайвеси». В ней аргументировалось право человека «быть оставленным в одиночестве» (эта фраза была позаимствована из текста вердикта Верховного суда США 1834 г. и с тех пор вошла в юридическую практику как наиболее емкое определение сущности прайвеси). Уоррен и Брэндис пришли к выводу, что многие старые законы априори защищают прайвеси, например, запрещая посторонним людям без разрешения входить в чужой дом (древний принцип «мой дом — моя крепость») или производить запахи и звуки, беспокоящие окружающих. Они смогли понять важность прайвеси и в работе тогдашних средств массовой информации, пророчески заявив, что газетчики в обозримом будущем могут стать крупнейшими нарушителями права на неприкосновенность личной жизни.
- (8) По С.С. Алексееву, все рационалистические или эмпирические определения права одинаково имеют характер некоторой одномерности, так как сводят право к какому-то одному моменту. Таковы определения права как нормы, как воли, как интереса и т.д. Правовые феномены во всей их полноте никак не могут в них уместиться. Право может быть не только нормой, но и волей, не только волей, но и интересом, не только интересом, но и свободой, право несводимо к одному измерению. Чтобы уяснить сущность воззрения на многомерную природу права, по мнению Алексеева, нужно вообще

покинуть почву определений. Взамен определений следует дать описание правовой структуры в ее основных данностях. Феноменологическая структура права предстает при этом как единство нескольких измерений, подобно единству пространства, измерения которого являются некоторыми основными данностями, определяющими его структуру [2; 15].

- (9) Воля — это результирующее желание. Воля — это некий компонент, который стоит между желанием (осознанием) и действием.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Аганов О.Д.* Герменевтический и феноменологический подходы к пониманию интерпретации // Вестник ТИСБИ. — 2003. — № 3.
- [2] *Алексеева Н.Н.* Коммуникативная концепция права (проблемы генезиса и теоретико-правового обоснования). URL: <http://law-students.net/modules.php?name=Content&pa=showpage&pid=93>
- [3] *Балашихина И.В.* Право на неприкосновенность частной жизни в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2007.
- [4] *Букреев Д.Е.* Конституционно-правовые аспекты неприкосновенности частной жизни: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — СПб, 2003.
- [5] *Гадамар Х.-Г.* Истина и метод: основы философской герменевтики. — М., 1988.
- [6] *Головкин Р.Б.* Правовое и моральное регулирование частной жизни в современной России: Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. — Нижний Новгород, 2005.
- [7] *Иванский В.П.* Теоретические проблемы правовой защиты частной жизни в связи с использованием информационных технологий: Дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 1998.
- [8] *Иванский В.П.* Становление правового института информационной безопасности сферы частной жизни: Учебник. — Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 2001.
- [9] *Измайлова Н.С.* Неприкосновенность частной жизни в гражданском праве: на примере права Великобритании, США и России: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2009.
- [10] *Калашикова Е.Е.* Уголовно-правовое обеспечение неприкосновенности информации о частной жизни: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2001.
- [11] *Кохановский В.П.* Философия и методология науки: Учебник для ВУЗов. — Р/-на-Д, 1999.
- [12] *Малкей М.* Наука и социология знания. — М., 1983.
- [13] *Паришин А.Н.* Размышления над теоремой Геделя // Вопросы философии. — 2000. — № 6.
- [14] *Поляков А.В.* Общая теория права. Курс лекций. — СПб., 2001.
- [15] *Поляков А.В.* Феноменологическая теория права. URL: <http://www.law-students.net/modules.php?name=Content&pa=showpage&pid=205>
- [16] *Поляков А.В.* Российский правовой дискурс и идея коммуникации. URL: http://society.polbu.ru/polyakov_communi/ch06_i.html
- [17] *Степин В.С.* Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. — М., 2000. — Гл. 3.
- [18] *Федосин А.С.* Защита конституционного права человека и гражданина на неприкосновенность частной жизни при автоматизированной обработке персональных данных в РФ: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Саранск, 2009.
- [19] *Филипсон М.* Феноменологическая философия и социология // Новые направления в социологической теории. — М., 1978.

- [20] Хужокова И.М. Конституционное право человека и гражданина на неприкосновенность частной жизни в РФ: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2007.
- [21] Честнов И.Л. Онтологический статус юриспруденции в современном мире // Место юриспруденции в системе общественных наук. Первые Спиридоновские чтения. Труды теоретического семинара юридического факультета СПб ИВЭСЭП. — Вып. 3. — СПб., 2000.
- [22] Честнов И.Л. Правопонимание в эпоху постмодерна // Правоведение. — 2002. — № 2 (241). — С. 4–16.
- [23] Шахов Н.И. Теоретико-правовые основы функции обеспечения государством права на неприкосновенность информации о частной жизни: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Краснодар, 2008.
- [24] Электронная библиотека по философии. URL: <http://filosof.historic.ru>
- [25] Этнос // Википедия. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AD%D1%82%D0%BD%D0%BE%D1%81>
- [26] Altman I. The environment and social behavior. Privacy, personal space, crowding. — N.Y., 1975.
- [27] Bloor D. Knowledge and Social Imagery. — L., 1976.
- [28] Westin A.F. Privacy and freedom. — N.Y., 1967.
- [29] Wolfe M. Childhood and Privacy // I. Altman, J. Wohlwill. — N.Y.; L., 1978. — P. 175–255.

PHENOMENOLOGY OF THE RIGHT TO PRIVATE LIFE IN THE POSTMODERN EPOCH: PHILOSOPHICAL AND LEGAL ASPECTS

V.P. Ivanskiy

The Department of Administrative and Financial Law
Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117158

In article there are considered philosophical and legal aspects of understanding of the right to private life of the phenomenological approach. The methodological base of the legal concept of the right to private life is phenomenology as the philosophy focused on transcendental «I» (in the context — the eidos of the right characterized as subjective competence).

Key words: right to privacy, phenomenology of the law, privacy in the East and West, era of modern and postmodern, synergetics.